

УДК 347.965

***БАЛАНС ПУБЛИЧНЫХ И ЧАСТНЫХ ИНТЕРЕСОВ: ПРЕДЕЛЫ
АДВОКАТСКОЙ ТАЙНЫ В СОВРЕМЕННОМ УГОЛОВНОМ ПРОЦЕССЕ***

ШЕПЕЛЕВ М.Р.,

студент

*Белгородский государственный национальный исследовательский университет
НИУ «БелГУ»,*

г. Белгород, Россия

АЛЕЙНИКОВА В.А.,

Ассистент кафедры уголовного права и процесса

*Белгородский государственный национальный исследовательский университет
НИУ «БелГУ»,*

г. Белгород, Россия

Аннотация

В данной статье исследуются баланс публичных и частных интересов, а также анализируются пределы адвокатской тайны в современном уголовном праве. Помимо внимание уделяется историческому аспекту, и анализу наиболее важных периодов развития, и становления адвокатуры. Особое внимание уделяется законодательной базе адвокатской детальности в современном уголовном процессе. Также предлагаются пути решения спорных моментов связанных с адвокатской тайной.

Ключевые слова: адвокатская тайна, конфиденциальность, профессиональный долг, иммунитет, доверитель.

***BALANCE OF PUBLIC AND PRIVATE INTERESTS: THE LIMITS OF
ATTORNEY-CLIENT PRIVILEGE IN MODERN CRIMINAL PROCEDURE***

SHEPELEV M.R.,

Student

Belgorod State National Research University (NRU "BelSU"),

Belgorod, Russia

ALEYNIKOVA V.A.,

Assistant of the Department of Criminal Law and Procedure

Belgorod State National Research University (NRU "BelSU"),

Belgorod, Russia

Abstract

This article examines the balance between public and private interests and analyzes the limits of attorney-client privilege in the context of modern criminal procedure. Furthermore, attention is paid to the historical perspective, as well as the analysis of the most significant periods in the development and formation of the legal profession. Particular emphasis is placed on the legislative framework governing legal practice in modern criminal proceedings. The author also proposes ways to resolve controversial issues related to attorney-client privilege.

Keywords: attorney-client privilege, confidentiality, professional duty, immunity, client.

Адвокатская тайна – это один из тех вопросов адвокатской деятельности, который привлекает большое внимание, по поводу, которого усиленно спорят, о котором много писали и пишут. Нет ни одного крупного юриста-теоретика в области уголовного права и процесса, который не касался бы этого вопроса. Институт адвокатской тайны издревле уподоблялся таинству исповеди, возводя защитника в ранг «светского духовника». Еще в произведении «Дневник писателя» Федор Михайлович Достоевский поднимает очень важную и

актуальную проблему нравственного выбора, в своих размышлениях о правосудии он отмечает ту самую тонкую, почти прозрачную грань, где долг перед истиной сталкивается с долгом перед человеком, Он отмечает, что труд и работа адвоката важны для человечества. Достоевский пишет: «...честный адвокат ... всегда найдет и определит настоящую степень виновности своего клиента, но лишь не даст его наказать сверх меры». Справедливый адвокат действует по закону и выполняет свои обязанности, не прибегая к фальши и обману. Писатель также обращает внимание на то, что в данной профессии есть недобросовестные люди, для которых деньги важнее совести. Автору кажется, что «сохранить честность и совесть адвокату также трудно, вообще говоря, как и всякому человеку достигнуть райского наслаждения». Такие адвокаты настолько привыкли лгать и «играть своею совестью», что это поведение стало считаться абсолютно нормальным. По мнению автора, не каждый адвокат может действовать, по совести, и остаться честным, защищая обвиняемого. Автор считает, что рано или поздно перед любым из них встает нравственный выбор: быть порядочным в своей работе или лживым и алчным. В художественном мире классика адвокат часто предстает как «хранитель чужой совести», вынужденный нести бремя знания, которое не может быть разделено с государством. Литературный архетип адвоката как субъекта, владеющего эксклюзивным знанием о мотивах и обстоятельствах деяния, находит свое юридическое воплощение в институте адвокатской тайны, где профессиональный долг обязывает защитника сохранять дистанцию между «правдой клиента» и требованиями правосудия. Как демонстрирует классический пример речи Фетюковича в романе Достоевского «Братья Карамазовы», в условиях состязательности целью защиты становится не достижение материальной истины, а конструирование «разумного сомнения» посредством психологического анализа и деконструкции обвинительных доказательств. Таким образом, пределы адвокатской тайны очерчивают ту институциональную

грань, где профессиональный иммунитет защитника становится гарантией автономии личности, превалирующей над стремлением государства к тотальной осведомленности, что и составляет сущностный баланс интересов в правовом государстве. Заслуженный юрист РФ Михаил Барщевский отмечал, что адвокатская тайна сродни тайне исповеди, но при этом считал, что если тайна исповеди - религиозный, духовный атрибут, то адвокатская тайна - атрибут светского общества. Исторически концепция «*officium silentii*» (долг молчания) зародилась в римском праве не как привилегия юриста, а как гарантия стабильности правопорядка. Однако современная эпоха - век «прозрачности», цифровых следов и глобальных угроз - подвергает этот античный фундамент серьезной правовой деформации. Публичный интерес, мотивированный соображениями национальной безопасности и эффективного правосудия, всё чаще требует «взлома» адвокатской конфиденциальности [4]. Как справедливо замечал выдающийся российский юрист Ф.Н. Плевако: «Профессия даёт нам известные привычки, которые идут от нашего труда. Как у кузнеца от работы остаются следы на его мозолистых руках, так и у нас, защитников, защитительная жилка остаётся нашим свойством не потому, что мы хотим отрицать всякую правду и строгость, но потому, что мы видим в подсудимых по преимуществу людей, которым мы сострадаем, прощаем и о которых мы сожалеем». Так в обществе распространилось, и закрепилось такое мнение, что защитник - это не только юрист, а человек, который берёт на себя часть боли и вины другого, чтобы правосудие не превратилось в сухую расправу, отражает гуманистическую позицию Плевако, его стремление сочетать профессиональный профессионализм с человечностью и заботой о справедливости. Истоки дискуссии о пределах вмешательства государства в частную сферу уходят корнями в эпоху становления классической государственности. Символично, что фигура кардинала Ришелье - Армана Жана дю Плесси, великого архитектора французского абсолютизма, - неразрывно связана с юридической традицией: его мать, Сюзанна де Ла Порт,

была дочерью Франсуа де Ла Порты, одного из самых выдающихся адвокатов Парижа XVI века и старшины адвокатского сословия. Однако именно Ришелье приписывают афоризм, ставший квинтэссенцией обвинительного уклона: «Дайте мне шесть строчек, написанных рукой самого честного человека, и я найду в них что-нибудь, за что его можно повесить». Эта фраза наглядно иллюстрирует экзистенциальную угрозу, исходящую от безграничного публичного интереса. В современном уголовном процессе адвокатская тайна выступает тем самым правовым барьером, который не позволяет превратить любое слово доверителя в орудие его гибели, обеспечивая необходимый баланс между мощью государственного аппарата и правом человека на защиту.

В современной доктрине уголовного процесса вопрос о пределах адвокатской тайны трансформировался из чисто этической плоскости в проблему конституционно-правового баланса. Как отмечает Николай Матвеевич Кипнис, адвокатская тайна не является личной прерогативой защитника, а выступает институциональной гарантией права на защиту, что исключает возможность её произвольного ограничения государством. Тем не менее, дискуссия о «границах дозволенного» обостряется при столкновении адвокатского иммунитета с интересами обеспечения общественной безопасности. Так мэтр российской адвокатуры, первый вице-президент Адвокатской палаты города Москвы, Генри Маркович Резник обосновывает концепцию «абсолютности» тайны, указывая, что любое исключение из правила конфиденциальности разрушает доверительную основу отношений «адвокат - доверитель», что в конечном итоге нивелирует суть правосудия [2]. Однако Владимир Николаевич Смирнов в своих исследованиях демонстрирует нестандартный взгляд на проблему адвокатской тайны, учёный допускает её ограничение в особых обстоятельствах. Ключевой критерий, который он выдвигает, - ситуация, когда бездействие адвоката способно повлечь тяжкие последствия для жизни и здоровья человека [6]. Сходную позицию занимает и Конституционный Суд РФ. В Постановлении от 17

декабря 2015 года № 33-П подчёркивается, что адвокатский иммунитет не должен служить инструментом для прикрытия незаконных действий - его нельзя превращать в «защитный барьер», позволяющий избегать ответственности за правонарушения. Цифровизация общественных процессов вносит дополнительные сложности в регулирование адвокатской тайны. По мнению Юрия Сергеевича Пилипенко, бурное развитие коммуникационных технологий порождает специфические риски для конфиденциальности профессиональной информации. В связи с этим возникает острая необходимость в совершенствовании законодательства - в частности, в установлении более строгих требований к защите электронных документов и данных, относящихся к адвокатской деятельности. Современные научные дискуссии всё чаще фокусируются на выработке сбалансированного подхода к ограничению адвокатской тайны. Концепция «пропорционального вмешательства» предполагает, что доступ к конфиденциальной информации допустим лишь при наличии убедительных доказательств причастности адвоката к противоправным действиям, а не в силу его профессиональной роли как защитника. Особую актуальность приобретает дискуссия вокруг правоприменительной практики по ст. 450.1 УПК РФ. Публикации в журнале «Адвокатская практика» за 2024 год демонстрируют нарастающую критику сложившейся ситуации. Эксперты отмечают, что на практике границы вмешательства в адвокатскую тайну нередко расширяются без достаточных оснований. Анализ последних исследований выявляет тревожную тенденцию, следственные органы порой злоупотребляют размытостью формулировок в судебных решениях. Это позволяет им изымать целые массивы адвокатских материалов под предлогом поиска орудий преступления - фактически превращая отдельные следственные действия в масштабную проверку всей профессиональной деятельности юриста. Эксперты расценивают подобную практику как опасный прецедент, так как приоритет оперативно-розыскных задач начинает доминировать над конституционным

правом граждан на квалифицированную юридическую помощь. По мнению профессионального сообщества, для устранения этого дисбаланса требуется чёткое разъяснение позиции со стороны Верховного Суда РФ - это поможет восстановить равновесие между интересами следствия и гарантиями адвокатской тайны [3].

Таким образом, подводя итоги следует признать, что институт адвокатской тайны является не сословной привилегией, а фундаментальной гарантией правового государства. В попытках сузить пределы этой тайны ради сиюминутной эффективности следствия законодатель и правоприменитель рискуют переступить опасную черту. Если конфиденциальность общения защитника и доверителя станет прозрачной для органов преследования, то все закрепленные конституционные права на защиту превратятся в «потёмкинские деревни» - лишь внешнюю декорацию правосудия, скрывающую за фасадом мнимого благополучия отсутствие реальной защищенности личности перед мощью государственного аппарата. Подобное заблуждение в правовой сфере недопустимо, так как оно подрывает доверие граждан к самой системе юстиции. В этой связи уместно вспомнить слова выдающегося государственного деятеля Петра Аркадьевича Столыпина. Отвечая оппонентам, он провозгласил: «Им нужны великие потрясения, нам нужна Великая Россия!». Применительно к современному уголовному процессу это изречение обретает особый смысл: радикальный отказ от адвокатского иммунитета в угоду обвинительному уклону - это путь «великих потрясений» для правовой системы, ведущий к размыванию культурных и юридических традиций. Напротив, строительство Великой России как сильного и правового государства невозможно без признания того, что истинный общественный интерес заключается не в тотальном контроле, а в незыблемости основ правосудия. Только сохранение абсолютного характера адвокатской тайны (за исключением особых случаев, направленных на предотвращение готовящихся преступлений) позволит избежать логики «шести

строчек» кардинала Ришелье и обеспечит подлинный, а не декоративный баланс интересов в уголовном судопроизводстве!

Библиографический список:

1. Шмарева Т. А. Адвокат в уголовном судопроизводстве России: учебное пособие / Т. А. Шмарева, А. И. Шмарев. – Москва: Проспект, 2021. – 40 с.
2. Колегов А. Адвокатские тайны: дела наши уголовные / А. Колегов. – Ростов н/Д: Феникс, 2011. – 384 с.
3. Быков А. В. Уголовно-правовая защита адвокатской тайны / А. В. Быков // Адвокатская практика. – 2017. – № 2. – С. 3–7.
4. Манова Н. С. Адвокатская тайна в уголовном судопроизводстве: проблемы обеспечения и реализации / Н. С. Манова // Вестник Университета имени О. Е. Кутафина (МГЮА). – 2018. – № 2. – С. 203–210. [Электронный ресурс]. — Режим доступа — URL: <https://doi.org/10.17803/2311-5998.2018.42.2.203-210> (Дата обращения 27.04.2024).
5. Бровченко С. В. Гарантии независимости адвоката / С. В. Бровченко // Вопросы адвокатуры. – 2004. – № 32. – С. 84.
6. Смирнов В. Н. Адвокатура и адвокатская деятельность: учебное пособие / В. Н. Смирнов, А. С. Смыкалин. – Москва; Екатеринбург: Проспект, 2014. – 320 с.